

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0036.01.01

Виктор Погорельский

11 февраля 2012

Таре #1

- Здравствуйте.
- Здравствуйте.
- Назовите, пожалуйста, Ваше имя и фамилию.
- Погорельский Виктор Иосифович.
- Какого года рождения Вы?
- 30-ого.
- А где Вы родились?
- Родился я на хуторе, называется Кацевичи, там деревня рядом.
- Несколько недель назад приходили мои коллеги, и Вы рассказывали им о Ваших воспоминаниях Второй Мировой войны. На этот раз мы приехали, чтобы заснять на видео Ваши воспоминания.
- Для начала, скажите, пожалуйста, в 41-м году, когда началась война, где Вы находились?
- Находился дома.
- Дома - это Кацевичи?
- Тута.
- Тута – это Словени?
- Словени тута.
- То есть Вы уже жили здесь?
- Во эта старая хата, которая рядом стоит, гнилая, Вы каля яе шли, так она, мы жили в этой хате.
- Скажите, пожалуйста, до войны здесь в Словени проживали евреи?

- До войны? Конечно! Тут была вот где Словени улица, в основном евреи были.
- А Вы помните кого-то их по имени или фамилии?
- Вот фамилия, имя я не помню. Не помню я. Знаю только, что жили яны. Мне тады 11 годикав было.
- А в школу Вы вместе ходили с еврейскими детьми или была отдельная еврейская школа?
- Не, уместе. Тое места тут рядом, уже там ничего, ужо пустое места. Школы там няма ниякой теперь. А теперь за магистралью школа кирпичная.
- А в классе у Вас были дети из еврейских семей?
- Кто?
- В классе у Вас?
- А в классе? Вот в классе не помню я.
- Не помните?
- Не помню я.
- А чем занимались еврейские семьи? Какие у них занятия были? Кем они работали?
- Ну, я не знаю. Только одно в памяти, что они. Вот тогда электричества не было, так значит, что как просить еврей или еврейка приди и потуши мне свет. Это по религии. Некий определенный день что ли. И вот значить потушишь свет и тады сам бяжи домой.
- И вот Вы помогали кому-то? Тушили свет?
- Нет, я не. Другие, больше взрослые.
- И они Вам рассказывали или Вы видели?
- Они рассказывали. Они мне рассказывали, что вот так это.

- А эти евреи, которые жили у вас в деревне, они разговаривали как? По-еврейски или по-русски, или по-белорусски? Как между собой?
- Между собой они разговаривали по-еврейски. А с нашими белорусами, они по-русски говорили обыкновенно.
- А отличались они одеждой? Они другую носили? Как они одевались?
- Неа, тая самая одежда была. Как была, так она.
- Какие отношения были между белорусами и евреями в деревне до войны?
- Ну отношения, обыкновенные, как люди. Дружили и все, без всякого. Никакого вреда не было. А просто дружили хорошо и все.
- А в деревне было больше евреев или больше белорусов у вас?
- Па этой улице, по Словенях, в основном евреи были. Русские были, но мало. А вот за магистралью туда, значит там русские, белорусы. Теперь Заречье тута вторая деревня, тоже там белорусы. А тут это была основная еврейская улица.
- То есть, получается, в центре, на центральной улице, больше проживало евреев?
- Да.
- Уже на окраинах больше белорусов?
- Да.
- Но Вы не знаете соотношение, какое было?
- А отношения, я не чул, чтобы там ругались или что-то такое. Нет, нечего абсолютно.
- Вы помните, как началась война?
- Помню. Помню. Понимаете, началась когда война и вот сюда ворвались немцы и сюды ко мне на двор прибег немец один. Поглядел, а моя матка стола на дворе, дык он поглядел кругом

свиделей няма. Дык говорит немец, пускай бы Гитлер со Сталином вместе столкнулись бы и бились. А я говорить, иду на фронт, а я погибну и детки мои останутся сиротами.

- А на каком языке он говорил с Вашей мамой?
- Он чиста так не мог говорить, но хорошо было понятно.
- То есть, на каком языке, по-русски разговаривал?
- По-русски. Только немножко картавил там, таму что там немец же сам. А так все понятно было.
- И Вы присутствовали при этом?
- И я рядом стоял маленький, 11 лет мне было.
- Скажите, пожалуйста, Вы видели, что случилось с евреями из вашей деревни после того, как немцы зашли?
- Через год, год прошел. В 41-м война началась, а это в 42-м было, их евреев отседа согнали в тот конец деревни Словени, и они там жили, в том конце.
- А кто сгонял их туда?
- Дали указание немцы.
- Немцы дали указание и евреи сами пошли или их кто-то туда сгонял?
- Нет, они дали указание каждому в хате еврею, чтобы они туда переходили, в тот конец жить. Как Вы там будете жить у том конце-это дело ваше. И вот они тогда в тот конец согнали, и они там жили.
- Откуда Вы знаете, вот Вы говорите, помните, что это было через год. Как Вы так точно помните, что это именно через год произошло?
- Потому что на первом году этого не было. Не было. А это пошло уже на вторы год.

- А на второй год Вы не помните, когда их заставили переехать? Это было летом или зимой, весной, осенью?
- Это было летом.
- Летом?
- Летом.
- То есть Вы думаете, что это был 42-ой год, летом?
- Летом. Это тока летом было.
- Откуда Вы знаете, что это был дан такой приказ от немцев, чтобы они переехали туда?
- Откуда это был дан приказ, это я не знаю.
- Но как Вы узнали о существовании этого приказа?
- Может быть, Гитлер дал такое указание, кто его знает. Но я же этого не знаю.
- Но откуда Вам известно, что немцы приказали, что это именно они? Как Вы узнали?
- Я видел, когда они туда переезжали.
- Вы видели, как они переезжали?
- Ага. Свою одежду взяли туды, все гэта взяли, понимаете. А хаты оставались тут.
- Они все вместе переезжали или просто каждая семья отдельно?
- Каждая сямья отдельно, но у той конец.
- И они переезжали в один и тот же день или на протяжении нескольких дней, нескольких недель?
- Я не могу точно сказать, в один день или в два дни, но не более два дня. Не больше этага.
- И что Вы видели? Как происходил этот процесс, как они переезжали?

- Ну переезжали такие скучные были. Волнующее, потому что это же известно, что зачем же нас туды гоняць, я же в своей хате живу, правда, же ведь, зачем же мне туда идти в тот конец в хату жить.
- Но они без охраны шли или с охраной?
- Без охраны.
- Сами по себе?
- Да. Только дали указание, чтоб за один день или за два там были.
- А Вы когда видели, Вы помните, сколько людей переезжали туда? Или сколько семей Вы видели?
- Я просто видел, что их каждой хаты переезжали, кто нес, кто на чем вез, понимаете, все туда, у той конец.
- И там были старые или молодые или разные?
- Там были только старики и детки малые. А какие молодые полноценные евреи, они ушли в Москву.
- В смысле эвакуировались еще до войны?
- Да, они знали, что тут немцы будут. Так они все уходили в Москву, чтобы целыми остаться. Полноценные здоровые. А детки ихние оставались с батьками, с матками.
- И Вы говорили, что видели, как они с вещами переходили туда. Они все пешком были или на повозках?
- Пешком, в основном пешком. Там можа якая повозка и была, но в основном пешком носили.
- И когда они уходили из своих домов, они забирали все имущество или оставляли что-то? Как происходило все?
- Ну я там не мог проверять ходить, ти забрали все шмотки гэтыя , но только то, что освобождали гэтыя дома.
- А что потом с этими домами случилось? Вот те, которые освободили.

- Стояли пустые.
- Стояли пустые?
- Да.
- И никто не перешел жить туда?
- Никто. Кто туды пойдзе жить?
- И с имуществом Вам известно, что случилось? Ну, то имущество, которое осталось в тех домах?
- Не знаю. Это не знаю, я же не хадзил в тыя хаты, не проверял там.
- Но Вы видели, чтобы кто-то заходил, выходил оттуда?
- Нет, этого не видел.
- Не видели?
- Нет, нечего такого.
- И вот, когда они выезжали, Вы говорили в другой конец Словени, что там было, где они поселились?
- У том конце, понимаете.
- Ну там был дом, сколько их?
- Там дома были. И сколько помещалось там в этом доме, там они и жили и столько хат занимали. Не знаю, не помню, сколько яны там хат заняли, более сгущено.
- Но чьи это дома были, которые они стали занимать?
- Там дома, так вот я вам не могу точно сказать, ти там какой еврейский был дом, ти русский мог жить, а оттуда освободили. Знаете, не помню я.
- Не помните, не знаете, кто там жил?
- Не знаю.
- Вы когда-нибудь были на том месте, куда их согнали? Приходилось бывать?
- Неа.

- Никогда? Во время войны не видели?
- Никогда. Живуць там и няхай живуць.
- А долго их там продержали?
- Как их продержали? Ну, недолго. Нямнога. У тое же лета, их значиць дали команду, там дзе цагельны кирпичный завод был. Какой там завод был не завод, бабка русская да дед кирпич делали. Там не завод, а просто так цагельня была. Дали команду идти туда, у гэту цагельню.
- То есть Вы не знаете, сколько времени их продержали в этих домах, но это в то же самое лето происходило?
- В этом летом.
- И после этого их свели на этот кирпичный завод?
- Да. Дали команду, сейчас же убирайтесь з гэтых хат у кирпичный завод.
- А там из этих домов они были под охраной или без охраны жили?
- Не, охраны там не было. Не было охраны.
- В домах или Вы про кирпичный завод?
- Я гавару, что у домах гэтых охраны не было. А в кирпичном заводе, тоже не было. А знаете, что интересно было? Да разговора. Был еврей один. Ен в это время, когда собрались всех расстреливать, он пошел на ту деревню на Маламейщину там за магистралью, за молоком. И ей когда пачул, а ен примерно у моих годах, может на годзик старше мяне, кто яго знает. Дык ен кинул все и бягом за жалезную дарогу. Тут железная дорога и у партизаны. В партизаны пошел и там был, пока отсюда немцев не выгнали.
- Откуда Вам известно про этот случай?

- Ен сам гаварыл, пабягу в сторону партизан. Туда за железную дорогу. Он спугался, что будут расстреливать там матку, ти бацьку, примерно. Так ен уцякал отсюда, як можна, са страху.
- Подождите, он сам говорил Вам или другим?
- Мне говорил.
- Так он тогда был вашего возраста или старше? Какого возраста он был?
- Тогда ему лет 12 было, а можа лет 13 было. Но только не больше как 13-ти.
- То есть Вы его лично встретили?
- Да, лично. Тут же , где ваша машина стоять. Ен сразу бягом, пачул, кто-то там или сказал, что приехали расстреливать евреев. Смерти-то каждый человек боится, так он быстро уцякать за железную дорогу к партизанам.
- Но Вы успели с ним переговорить?
- Да. Я переговорил с ним.
- И что он сказал?
- Сказал, что пабягу дзе партизанам находятся, за железную дорогу.
- Ну тогда, когда он пытался бежать, были слышны какие-то выстрелы или не было слышно еще ничего?
- Неа, только доносы какие-то были, что будуць сейчас расстреливать евреев.
- В смысле слухи были?
- Да, перадавали людзи, понимаете. Не помню кто, но перадавали. Говорят, что сейчас повядуть, будут расстреливать евреев.
- И этот мальчик, Вы видели, что он побежал в лес?
- А он побег прямо в лес, в партизаны.
- А он после войны вернулся в деревню?

- Вернулся. И вы знаете, что интересно, вернулся он в Минск и устроился на Республиканскую базу. Яго еще хата хранится тут, такая хиленькая. Я прибегаю и говорю да яго: « Берка, так его по-еврейски звали, как ты тут очутился на Республиканской базе?» А это уже после войны, я работал в редакции, ездил за шрифтами в типографию. И вот он говорит : « Меня тут не зовут Берка, меня зовут Борис». Борис, значит Борис. А я же не знаю. Я по старой привычке так. Как это было. А потом якобы оттуда он попал в Оршу, не знаю, ти он жив теперь, ти не. Дальше ничего не знаю.
- А Вы в каком году его встретили там, на базе, помните?
- В каком году, вот не могу вам сказать. Я уже работал в редакции.
- Но это сразу после войны или попозже?
- Позже. Это уже я армию отслужил, понимаете. А тады прашли гада большие. И я устроился на базу в редакцию, возить корреспондентов.
- И вот, когда евреев повели на этот кирпичный завод, Вы видели, как их туда вели?
- Да. Вяли. Гляджу шаренга, многа и дзетки гэтыя идуть и старенькие старики идуть.
- А кто их вел?
- Немцы с автоматами.
- Много немцев было там?
- Нет, не многа было, но с автоматами. И я не понимаю, как можно было по дзяценку стрелять с автомата, понимаете, по этому еврею. Это как рука подымалася? Я не понимаю. Это чудо. Але ж видите, всякие бывают люди.
- А сколько евреев было в этой шеренге?
- Человек можа 70-80 было, кто знает.

- Как далеко Вы находились, когда видели эту колонну?
- Я из-за кустов наблюдал. Как они подогнули их и командуют «ложитесь».
- Их подогнули прямо к кирпичному заводу?
- Да.
- Там был двор?
- Не было никакого двора, там был кирпичный не завод, а так чепуха там, вдвоем делали кирпич. Але придумали «кирпичный завод». И им дали команду : «Ложитесь!» А я из-за кустов наблюдаю. А туды же подойти страшно, нельзя же.
- Так какое расстояние было от Вас до группы с евреями?
- Кто его знает, можа метров 400-500. Я же не мерял гэта.
- То есть они как подошли, никуда не стали рассыпаться?
- Нет, не стали. И им дали команду : «Ложитесь». Ложатся. Шеренгой их положат.
- Шеренга сразу легла или по группам?
- По группам.
- И сколько в группе было?
- А кто его знает.
- Вот Вы говорите, было 70-80 человек, сколь групп они отобрали?
- Может человек по 15 примерно. Ну и тады слышу с автомата только «тррр, тррр». «Ложитесь другие!» Там кого ранюць, каго забьюць. Дык уже когда забьюць уже лягчей, а кого ранюць на яго раненага лажились другие. Ой, издевательство это было, не дай бог. Тогда другую шеренгу так сама. И так может шеренги 4 было, может 5, кто его знает сколько там. Таму что рядом я не находился, боялся. А потом, когда дело кончили, облили то ли керосином, то ли бензином

и запалили и они горели. И такой дым, копоть такая была. Это издевательство было, не дай бог.

- Когда их вели, Вы узнали, это были ваши евреи из Словени или из других мест?
- Не, они жили тут.
- То есть Вы узнали их? Это были местные евреи?
- Да, узнал, местные. Ну с того конца брали их, я знал.
- Вы узнавали кого-то не обязательно по имени, может по лицам?
- Когда расстреливали?
- Да.
- Нет. Я же далеко был. Метров 300-400.
- А когда они проходили в шеренге тоже не узнавали?
- Нет. Также далеко было. Я не подходил близко. Я так волновался малы и волновался. Больши бы так я и вообще не пошел бы туды. Але ж интересно.
- Вот Вы говорите, их заставляли ложиться. Они ложились прямо на землю или там яма была какая-то?
- На землю. Там яма была.
- Яма была?
- Там яма была. Мож не глубокая мелкая яма, кто его знает, но помню, что яма какая-то была.
- То есть Вы могли видеть там вдалеке, что какая-то яма была или Вы предполагали что там яма?
- Не, я потом, когда позже пришел, когда их уже не было, когда сожгли, пришел туды и понял, что там яма. Она мелкая, неольшенькая, такая малекнькая.
- А вот каких размеров она была? Ширины?
- Ширины ну метра можа 3, можа 4 и длины можа метра 3-4.

- Квадратная такая?
- Да. Квадратная примерно там. Я же там не мог мераць.
- Их заставляли, как бы группами ложиться?
- Да-да. А почему группами, таму чтобы шеренга заняла у гэтай ямцы, тады другие шли, следующие.
- А другую шеренгу где держали? Прямо возле ямы или подальше?
- Держали. Они глядзели.
- Они видели все?
- Да.
- То есть в очень близком расстоянии?
- Они рядом глядзели. Видите, какое это было издевательство. Невозможно сказать даже.
- И стрелял один только немец или несколько стреляли одновременно?
- Один стрелял. А остальные, их было автоматчиков можа 3-е, кто их знает. Но стрелял один. А как он стрелял? «Трр-трр» кого поранит, кого забьет.
- Вам были слышны оттуда какие-то другие звуки кроме выстрелов? Голоса или разговоры?
- Не, ничога не чул.
- Крики? Ничего не было слышно?
- Ничога не чул, ничога. Таму, что если бы я ближе был, тогда можа.
- Метров 400-500, если кто-то кричит, наверное, можно услышать?
- Может, кто его знает. Но что-то не в памяти у меня.
- Не помните?
- Не помню.
- Сколько примерно времени все это длилось, пока их перестреляли?

- А быстро. Быстро это дело. Это нядолга. Нямнога гэта. Сколько же можно? Раз-раз.
- Полчаса, час, 10 минут?
- Можа 30-40 минут примерно.
- А Вы видели, перед расстрелом их заставляли раздеваться или одетыми?
- Так как они были одетые, так и все.
- А когда уже поджигали, Вы видели, в чем у них был керосин?
- Я не знаю. На машине подвезли в бочке.
- Машина какая-то была?
- Я ушел оттуда, а потом гляджу, дым валит. Прошло немножко. Значит, облили чем-то и запалили.
- А, значит, Вы уходили и приходили опять?
- Нет. Когда кончили стрелять, я ушел оттуда и был дома. Прошло немного время, немного и я гляжу дым валит оттуда. Значит, чем-то облили.
- Значит, Вы вернулись?
- Вернулся. Я вернулся.
- И когда Вы вернулись, немцев уже не было?
- Я туда не ходил. Я издалека, из дома видел, как дым валил.
- Но Вы говорите, что подошли, и там была яма.
- А, так это я раньше был там.
- Так после того, как закончили стрелять, Вы тогда подошли?
- Кончили стрелять, не подходил я. Я тады домой ушел.
- А когда Вы подходили?
- К яме я не подходил. Я подходил, когда их сожгли уже.
- После того, как их сожгли?
- Да-да. После того, как сожгли.

- Вы сказали, что видели, как дым валил. Вы были дома?
- Дома был я. Потом ходил уже. Пока видел, что дым валит, так я так догадался, что запалили чем-то.
- Тая я не понимаю, когда Вы видели эту яму?
- А яму я видел, як вам сказать, бегал же. Дети бегают, я бегал. Так она там небольшенькая, меленькая.
- Так я не понимаю, Вы яму видели до расстрела?
- До расстрела.
- То есть Вы видели ее еще раньше?
- Да, до расстрела. А сейчас я что-то там был, понимаете, летом, нешто той ямы нигде не видать. Ничога няма.
- То есть Вы ее видели, когда там никого еще не было, пустая была?
- Да, пустая.
- От вашего дома до кирпичного завода, какое примерно расстояние?
- Отседа можа километр соберется.
- Так что вам только дым был виден?
- Да так я и догадался, что чем-то облили и запалили.
- С такого расстояния вам было видно людей, машины какие-то?
- Каких людей, когда?
- Немцев например.
- Нет. Отседа не видно. Только дым уверх. А там неизвестно кто был.
- Но когда вы сказали, что на машине керосин привезли. Это Вы предполагаете?
- Да, это я предполагаю. Не водой же.
- Но немцы там были пешком, эти автоматчики?
- Да, там были пешком. Кто там, как там, я же не видел издали. С дому не видел там.
- Но когда Вы были при расстреле, немцы там были пешком.

- Да-да.
- Никакой машины?
- Да. Никакой машины.
- Кроме мальчика Берка, кому-то еще удалось сбежать?
- Не, не чул я.
- Неизвестно?
- Да. Неизвестно.
- После войны вернулись уже какие-нибудь евреи в вашу деревню, которые жили раньше?
- Вернулся. Один тут был, Гуревич Матос. Тут вот близко, недалеко. А ен как раз перед войной кончил 10 классов. Когда война началась, он уже был 10 классов ученый. Приехал сюда ен, а я не знал, что гэта ен. Он был таки стройны интересны малец. А ен уехал во время войны в Москву. Я говорю: « Тут когда-то во время войны жил Гуревич Матос». А он так раз вытянулся: « Я и есть Гуревич Матос!» Только сердце болит от всего этого воспоминания.
- Вы помните только его, который вернулся или были еще какие-то евреи?
- Не, более не помню. Только Берку этого помню и Матоса Гуревича. Так ен приезжал. И теперь не знаю ти он жив, ти он в Москве там жил или дзе он, кто его знает. Но это давно я его уже не видел, несколько гадоу.
- Скажите еще, пожалуйста, Вы говорили, что, когда стреляли, там были немцы-автоматчики. Вы тогда могли распознать немца от других?
- Нет, что вы!
- Откуда Вы узнали, что это именно немцы?
- В форме.

- И какая форма у них была?
- Военная форма была, орлы на гэтых шапках. Это форма их.
- Какого цвета форма?
- Зеленоватая.
- А там были только немцы или были полицейские?
- Нет. Полицейских не было.
- А у вас деревне были полицейские?
- Не помню.
- Кроме евреев в те годы убивали еще кого-нибудь, других людей, других национальностей?
- Я не чул никогда.
- Белорусов никогда не убивали?
- Не знаю, никогда не чул.
- Вы не знаете коммунистов каких-то или бывших руководителей убили, когда война началась и немцы приехали сюда?
- Не знаю. Я малы был. Меня это не интересовало.
- Когда партизаны стали более активно биться с немцами, тогда не было никаких репрессий против населения? Или искали партизан, не знаете?
- Вы знаете, когда немец пошел уже туда, под Москву, тут уже очутились партизаны. То там, то там партизаны. Чул я это. Я их видеть не видел, а только чул, что партизаны появились.
- И немцы не искали? не ходили по домам? Не наказывали население, ничего такого не было в деревне?
- Не знаю, не чул.
- Пожалуй, мы остановимся. Спасибо большое.
- Пожалуйста. Желая Вам успешного здоровья до 100 лет, а дальше там, как хотите.

- Еще несколько моментов о Вас. Вы говорили, что Вы видели эту яму возле кирпичного завода еще раньше.
- Раньше я там бегал, понимаете, малы. Малые туды, туды. В памяти только, что она такая маленькая была, небольшая.
- А Вы видели, кто копал эту яму?
- Не видел.
- Вы тогда знали, для чего эта яма была?
- Нет, не знал. Я только вот что видел, что там глина. Так видимо муж и жонка кирпичики делали вручную, в формочки такие. Так видимо яны копали, глину оттуда доставали. Видимо так.
- Вы так предполагаете?
- Предполагаю. Ну, она мелкая, маленькая была.
- То есть, Вы тогда не задумывались, для чего она там, предположили, что для кирпича?
- Нет. Не думал. А теперь я взрослый, старый там был, так нигде и нашел той ямы.
- А как получилось, что в тот день, когда расстрел был, Вы оказались там, вблизи от кирпичного завода?
- Пачул я. Тут доносы, понимаете, что пошли евреев, повели расстреливать. Эх, я тады бягом, бягом. Прибег туда, сел тогда и из-за куста наблюдаю. Потому что страшно подходить. Это же ого! Теперь бы не подошел и к кусту бы.
- То есть люди говорили об этом в деревне, они знали.
- Да-да, что поведут уже расстреливать.
- А там повели уже всех оставшихся евреев или часть?
- Всех.
- Откуда Вам известно, что все там были?

- Всех. Там я не знаю, им можно было и утечь. Як заранее туда их согнали в той конец, надо было подумать. И надо было сделать, как той Берка, у партизаны через железную дорогу. Ушли бы и все! И немцы не нашли бы их.
- Этот Берка, когда он сбежал, они уже все были там, в конце деревни согнаны?
- Да. Там слухи пошли, что сейчас будут расстреливать. Дык ен думал - «там батька мой и моя матка». Так он со страху через железную дорогу убег в партизаны.
- То есть Вы его встретили в тот же самый день, когда расстрел происходил?
- Да. В тот день.
- В тот же самый день?
- Той день перад расстрелом.
- Прямо перед расстрелом?
- Перад расстрелом.
- Это когда Вы шли туда на фабрику, его встретили?
- Я тута жил, а ен ишел. Кинул молоко это и гаворить: «пабегу да партизанов. Там батьку и матку маю растреливають». А как была душа кипела.
- Ну, можно им тогда было выходить, за молоком ходить, то есть им разрешалось тогда?
- Да. До расстрела, да. Когда они хоть и жили в том канцы, а ходзи, бяры, ешь, купляй. А какой куплешь тады был, просили тады. Грошей не было нияких.
- Скажите, пожалуйста, когда они там жили, у них были какие-то знаки? Их заставляли носить опознавательные знаки?

- Да. Знаки были. Не помню вот. Желтые кружочки или на руке такие были. Но некая отметка была. Желтая или ленточка или кружочки что-то такое было.
- Желтые кружочки, где носили?
- Или на грудях или на руке. Что-то такое в памяти у меня.
- Именно желтого цвета или разного?
- Да, желтого.
- И носили все и мужчины и женщины?
- Да. Все.
- Дети тоже?
- Чтобы им немцам отличать, что это евреи точно, со знаком.
- И они такие знаки стали носить сразу, когда война началась или когда их перевели в тот конец?
- Нет, когда перевели туда. Тогда уже. А тут не было знаков гэтых.
- Спасибо. Пожалуй, на этом все.
- Пожалуйста.
- Спасибо Вам.
- Пожалуйста.
- Вы знаете, я хотела уточнить по поводу одного вашего замечания. Вы говорили, что евреи в основном просили, потому что денег не было. Можете объяснить почему?
- Легка, очень легка. Какие тогда деньги были? За что можно было купить? Ни за что. Вот человек приходил просить литр-два или три литра молока, если можно и все. Я так понимаю. Я же не видел. Но теперь гроши, за гроши все иди купляй.
- Но Вы видели как они просили?
- Не, не видел я.
- А откуда Вы знаете, что они просили?

- А я только носил еврею, который в партизаны ушел Борис (Берка)
- И Вы предполагаете, что он выпросил это молоко?
- Конечно! За что он купит это молоко? Вы представляете, в то время все ходили с протянутой рукой.
- Но ходили только евреи или белорусы тоже ходили с протянутой рукой?
- Белорусы не знаю, кто их знает. Но у евреев ничего ни было.
- Ничего не было?
- Ничего не было.
- Это потому что их туда перевели, поэтому ничего не было или еще раньше?
- А раньше у них было. Когда до войны, у них, рассказывали батьки, матки, что у них были коровы, все гэта было. Потом уже все исчезло.
- То есть в войну все исчезло?
- Да.
- И поэтому они так трудно жили там?
- Трудно, очень трудно жили, не дай бог. Горе. Это издевательство.
- А как Вам стало известно, что трудно там жилось? Вам кто-то рассказал или что-то видели сами?
- Видел сам и понимал гэта. Я сам с детства горевал, бедно. Ну была у матки и батьки корова, но такая беднота была. Ни хлеба, ничего. Теперь вот пойдешь в магазин, можно купить, лишь бы гроши были.
- У Вас не было дома хлеба или у других тоже?
- По-разному люди жили. Один хуже, други лучше, по-разному. Но, однако, в общем масштабе, плохо. Война – это есть война. Это не что-нибудь такое.

- Пока они жили там, на окраине деревни, за какой счет они там жили? Они работали, не известно Вам?
- Одноособна. Сами зямлю копали лопатами. Всяко добывали, бульбу садили. А еще, были немцы тут, где теперь школа была, раньше деревянная школа, теперь кирпичная школа за магистралью. И вот, матка меня послала и говорит: « Сходи, сынок, дрожжей купи». Дала мне 6 ячеек и сходи, купи. Ну, я и побег туды.
- Чтобы вы поменяли яйца на дрожжи?
- На дрожжи.
- Не было у Вас денег тоже?
- Нет. Не было денег.
- Я пришел, а там кто на усях играет. У немцев были такие усли. Кто другое что делает. Я говорю : «Мне надо дрожжи, вот вам яйко». Один фельдфебель их: «А, дрожжи, яйко, партизан, разведка!» И меня в каталашку. Так рядом там было место такое. И туды меня заперли. Тады я заплакал, сяджу каля дверей, щелка там в дверях. Гляжу, один с плеткой идет, минут 5-7 прошло, а други с автоматом. А яны, я потом понял, позже, если бы я побег в сторону леса, тогда бы с автомата по мне. Это обязательно, потому что доложил бы партизанам, сколько тут немцев есть. А я говорю: « Нет, пан, вон я живу, вон хата моя» и показываю. А меня: «Раус!» и ногой под задницу, я перакрутился и бягом. Яны наблюдали. Глядеть, побег у хату я. Ну значит не доносчик партизан.
- Но я не поняла, этот магазин, чей был магазин?
- Дзе магазин?
- Или Вы куда пошли? Вы к немцам пошли?
- К немцам.
- К самим немцам?

- К самим немцам. Магазины тогда не было.
 - Я не поняла, откуда дрожжи?
 - А у них дрожжи были, я не знаю откуда, но у немцев были дрожжи. В сухом виде, сушеные дрожжи были. И потом они меняли на дрожжи. Придут к хозяйке и говорят : « Матка, вот дрожжи, дай яйко». Так и я сделал.
 - А там, в каталашке только Вы были или еще люди?
 - Один.
 - И долго Вас там продержали?
 - Нет. Минут 5 не больше. Сейчас же идут.
 - И выпустили сразу?
 - Я испугался, думаю, идет с автоматом, сейчас застрелит. «Что партизан, разведка?» - говорит. Я говорю: « Нет, пан! Вон я живу, не разведка».
 - Это, в каком году было?
 - Я не помню в каком году. Они у нас тут 3 года были. Война в 41 началась, в 42-ом, наверное, в канцы. Я тады так напугался. Матка говорит: « Да халера они гэтыя дрожжи, не надо! Больше не ходи туды». И я больше не бегал.
 - Вот Вы говорили, что наверное эти евреи картофель копали. Вы видели, чтобы они что-то копали или выращивали?
 - Нет, этого не видел.
 - Это просто все Ваши предположения?
 - Да.
- Мы остановимся.

<https://collections.ushmm.org>

Contact reference@ushmm.org for further information about this collection